

УЧЕНИЕ ЛАО-ЦЗЫ О «НЕДЕЯНИИ» («У-ВЭЙ») В РОМАНЕ Л.Н. ТОЛСТОГО «ВОЙНА И МИР»

Ван Ланцзюй

Ключевые слова: древнекитайская философия, опорные идеи и символы, миметические связи.

Keywords: ancient Chinese philosophy, basic ideas and symbols, mimetic communication.

Систематические и глубокие познания Толстого в китайской философии оформились в 1870–1880-е годы, но китайские исследователи первыми отметили, что уже в романе «Война и мир» чувствуется сильнейшая связь опорных идей романа с учением Конфуция и Лао-Цзы.

Идеи, проповедуемые этими древнекитайскими философами, во многом определяют не только композиционное построение романа, систему его символов, но и структуру главных образов. Об этом же говорит Ким Рехо: «Во время работы над «Войной и миром» Толстой еще не был знаком с философией Лао-Цзы. Тем более удивительно то, что нравственно-философская концепция в романе Толстого, образ мышления и характер поведения его любимых героев кажутся созвучными учению китайского философа» [Рехо, 2004, с. 92].

Мимесис «Толстой и китайская философия» строится не на прямом заимствовании тех или иных идей, а на глубинном совпадении жизненных, моральных, этических установок, которыми руководствовался Толстой в неустанном стремлении к нравственному самосовершенствованию, с теми идеями, которые проповедовали древнекитайские философы. Иначе чем можно объяснить тот неоспоримый факт, что задолго до того, как Толстой систематизировал высказывания и мысли великих китайских философов в своих трудах, в его романе «Война и мир» они нашли самое яркое воплощение.

Если попытаться схематично обозначить хотя бы некоторые миметические совпадения в художественном мире Толстого и в китайской философии, они будут выглядеть следующим образом:

- Образ-символ неба в романе «Война и мир» - учение Конфуция о едином высшем абсолютe Тянь (Небо);

- проповедь любви и милосердия - конфуцианская идея Жэнь (человечность, доброжелательность);
- поведенческий модус таких героев, как Пьер Безухов, Платон Каратаев, Кутузов - учение Лао-Цзы Увэй (недеяние);
- идея Толстого о смысле жизни как пути к самосовершенствованию - учение Лао-Цзы о Дао (Путь, тайна, бытие) и учение Конфуция о «срединности» и самосовершенствовании;
- теория «роевой жизни» народа, «мысль народная» в романе - конфуцианское отрицание крайностей, стремление к стабильности и постоянству жизни;
- философия естественного равенства людей и христианской любви - теория равенства и всеобщей любви Мо-Ди, ученика Конфуция;
- учение о непротивлении злу насилеи, основы которого закладываются в романе - мысль Конфуция о преодолении зла добром;
- «текучесть» характеров, мифологема воды в романе - мысль Конфуция об идентичности бесконечного поиска истины и течения водного потока;
- символика круга в композиции, образах персонажей, опорном символе романа («шар-глобус») - учение Лао-Цзы о «круглости» как основе мироздания.

В настоящей статье нам хотелось бы показать, как в романе Толстого «Война и мир» претворяется идея, которую Лао-Цзы обозначил как У-ВЭЙ, что в дословном переводе означает «недеяние» («у» - означает отрицание, «вэй» - действовать, творить, являться, намереваться).

В 38 стихе своей великой книги, что в переводе означает «Завет пути силы», Лао-Цзы пишет:

*Высшая добродетель свободна
от стремления к делам,
ведь не делами она достигается¹*

Если рассмотреть поведенческий модус таких героев романа, как Пьер Безухов, Кутузов и Платон Каратаев, то становится ясным, что он полностью находится в плоскости учения Лао-Цзы об у-вэй. Как писал китайский критик Ван Мин-Дже, Лао-Цзы учил людей, что человек,

¹ Здесь и далее ссылки даются на издание: Лао-Цзы. Завет пути силы. Современное прочтение «Дао Дэ Цзин» Лао-Цзы. / Перевод и коммент. А. Кувшинова. Перевод Юй Кана. Шанхай: Чжуцзы цзичен, 1954. В скобках указывается номер стиха.

знающий предел своим возможностям, умеет вовремя остановиться. Активное действие ведет к нарушению равновесия в мире и природе, нарушает закон Дао, ведет к опасности и к катастрофе². Именно эта мысль воплощается в судьбе Андрея Болконского, чьи попытки противостоять людям и судьбе приводят к трагическим для него и его близких последствиям.

Мысль Лао-Цзы о недеянии явственно отражается в судьбе Пьера Безухова, склонного к бездействию и созерцательности. Поведение Пьера в начале романа - не истинное «у-вэй», то есть неделание как жизненная позиция мудреца, это пока еще бездействие человека, у которого не сформировались нравственные принципы. И только тяжелые жизненные испытания, знакомство с Платоном Каратаевым, любовь к Наташе Ростовой помогают Пьеру Безухову обрести веру, смысл жизни и душевное равновесие, делают его истинным мудрецом. Образ Пьера представлен в произведении в процессе постоянного развития, что соответствует мысли Лао-Цзы о том, что «не теряет только тот, кто никогда не останавливается».

Немало споров в европейском литературоведении вызывали и «азиатские» черты в облике полководца Кутузова. Как пишет Ким Рехо, не только русская, но и западноевропейская критика не могла простить писателю его «уход в глубь степей Азии» [Рехо, 2004, с. 92]. Действительно, не прочитываются ли в образе Кутузова идеи Лао-Цзы, говорившего: *«Совершенномудрый живет в мире спокойно и в своем сердце собирает мнения народа. Он смотрит на народ, как на своих детей», «мудрец не имеет обычную душу, а рассматривает народную волю как свою»?* Действия Кутузова, описанные Толстым в романе, всегда соответствуют общенародному чувству.

В каждом жесте, в каждом слове Кутузова сквозит доброта, любовь и естественность, что Лао-Цзы, а вслед за ним и Толстой полагали главным в человеке. *«Войско – орудие несчастья, – учил китайский мудрец, – поэтому благородный (правитель) не стремится использовать его тогда, когда его к этому не вынуждают. Главное состоит в том, чтобы соблюдать спокойствие, а в случае победы себя не прославлять. Прославлять себя победой – это значит радоваться убийству людей».* (ст. 31). Все это сказано как будто о Кутузове. Он, как завещал Лао-Цзы, *«не мешает полезному и не совершает вредное».* Очень верно оценивает

² Ван Минджэ. Учение Лао-Цзы и современные проблемы экологии. [Электронный ресурс]. URL: <http://blogsina.com.cn> (дата обращения: 21.02.2010).

его талант Андрей Болконский, почти дословно повторяющий слова китайского мудреца: *«Он все выслушает, все запомнит, все поставит на свое место, ничему полезному не помешает и ничего вредного не позволит»* [Толстой, 1974, т. 6, с. 137]. Своим девизом Кутузов, как китайский мудрец, избирает «терпение и время».

Почти дословным переложением идей Лао-Цзы являются рассуждения Толстого, предваряющие рассказ о Бородинском сражении, где Толстой говорит о том, что в современных представлениях людей о деле и пользе дела присутствует абсолютная аберрация, когда *«полезными деятелями»* признаются люди, не обращающие никакого внимания *«на общий ход дел»*, а руководствующихся *«только личными интересами настоящего»*. *«Те же, которые пытались понять общий ход дел и с самопожертвованием и геройством хотели участвовать в нем, были самые бесполезные члены общества; они видели все наыворот, и все, что они делали для пользы, оказывалось бесполезным вздором.<...>. В исторических событиях очевиднее всего запрещение вкушения плода древа познания. Только одна бессознательная деятельность приносит плоды, и человек, играющий роль в историческом событии, никогда не понимает его значения. Ежели он пытается понять его, он поражается бесплодностью»* [Толстой, 1974, т. 7, с. 18]. Эти мысли как будто навеяны Толстому рассуждениями Лао-Цзы о «знании без слов», без рассуждений, об интуитивном чувстве добра и пользы.

Все действия Кутузова подчиняются заветам китайского философа, учившего: *«Нужно осуществлять недеяние, соблюдать спокойствие и вкушать безвкусное. Великое состоит из малого, а многое – из немногого. На ненависть надо отвечать добром»* (ст. 63).

Не желая участвовать в бессмысленных сражениях, Кутузов рассуждает так же, как Лао-Цзы: *«“Они должны понять, что мы только можем проиграть, действуя наступательно. Терпение и время, вот мои воины-богатыри!” – думал Кутузов. Он знал, что не надо срывать яблоко, пока оно зелено. Оно само упадет, когда будет зрело, а сорвешь зелено, испортишь яблоко и дерево, и сам оскомишу набьешь* [Толстой, 1974, т. 7, с. 117-118] У Лао-Цзы читаем: *«Истинный полководец побеждает, и на том останавливается, и он не осмеливается осуществлять насилие. Он побеждает и себя не прославляет. Он побеждает и не нападет. Он побеждает и не гордится. Он побеждает потому, что его к этому вынуждают. Он побеждает, но не воинствен»* (ст. 30).

Особым образом принцип неделания воплощен Толстым в образе Платона Каратаева, весь поведенческий модус которого ориентирован на идею у-вэй, в состав которой входят такие смысловые коннотации, как

пассивность, непротивление, течение по таинственному пути жизни. Недеяние Каратаева - непротивление воле судьбы и жизни, умение построить свою жизнь так, как учил китайский ученый: *«Кто ничего не делает, тот делает все»*. Недеяние Каратаева - это умение принять то, что ты не можешь изменить - законы природы, волю Неба и Судьбы.

Китайский ученый Ван Миндже считает, что Лао-Цзы учил человека понимать, где предел его деятельности, учил его умению остановиться, так как активная деятельность человека нарушает законы природы, ведет к опасности и к катастрофе³. Современное развитие прогресса подтвердило прозрения великого китайского ученого, у которого Толстой перенимает отвращение к цивилизации, разрушающей природу.

Вот Платон рассказывает «длинную историю» о своей судьбе, подытоживая: *«Рок головы ищет. А мы все судим: то не хорошо, то не ладно. Наше счастье, дружок, как вода в бредне: тянешь - надулось, а вытацишь - ничего нету. Так-то»*. В его словах - убеждение Толстого, родственное одному из постулатов китайской философии о том, что человек не может знать об истинной подоплеке происходящих с ним событий, и то, что кажется катастрофическим, на самом деле может обернуться спасением, если не для тебя, то для другого, близкого тебе человека.

Усвоив мудрость Платона, Пьер, еще недавно мечтавший убить Наполеона и изменить ход истории, понимает, *«что таинственная сила уже вполне овладела этими людьми и что теперь говорит еще что-нибудь было бесполезно»* [Толстой, 1974, т. 7, с. 106], он предпочел отойти в сторону, не противостоять этой силе, ибо противостояние это не сулило успеха. Именно так в поведении Пьера проявляется идея у-вэй, «недеяния».

Дальнейшее поведение Пьера с точки зрения общественной морали может показаться странным: когда опасность нависла над Платоном, Пьер отстранился от него: *«Каратаев смотрел на Пьера своими добрыми, круглыми глазами, подернутыми теперь слезою, и, видимо, подзывал его к себе, хотел сказать что-то. Но Пьеру слишком страшно было за себя. Он сделал так, как будто не видал его взгляда, и поспешно отошел. Когда пленные опять тронулись, Пьер оглянулся назад. Каратаев сидел на краю дороги, у березы; и два француза что-то говорили над ним. Пьер не оглядывался больше. Он шел, прихрамывая, в гору»* [Толстой, 1974, т. 7, с. 164]. Предательски-трусливое поведение Пьера, с точки

³ Ван Миндже. Учение Лао-Цзы и современные проблемы экологии. [Электронный ресурс]. URL: <http://blogsina.com.cn> (дата обращения: 21.02.2010).

зрения учения об у-вэй, выглядит по-другому. Что мог сделать Пьер для Платона? Мог бы он спасти его? Нет. Даже если бы попытался, то погиб бы вместе с ним. Поступок Пьера, бросившего Платона погибать, кажется безнравственным только с точки зрения искусственной общественной морали, призывающей к действию, какими бы последствиями оно ни обернулось. Но с позиций «живой жизни» и закона у-вэй - это единственно верное решение, спасающее жизнь. Поэтому, когда *«с того места, где сидел Платон, послышался выстрел»*, Пьер использует спасительную силу «перемещения внимания», которая заложена в человеке инстинктом самосохранения, и логикой закона «у-вэй» (спасительность «бесполезного дела», по Лао-Цзы), и начинает считать, сколько осталось переходов до Смоленска [Толстой, 1974, т. 7, с. 164-165].

Толстой показывает, что главное свое предназначение Платон выполнил. Как учил Лао-цзы, *«когда дело завершено, человек должен устраниваться. В этом закон небесного Дао»*. Платон спас Пьера от отчаяния и неверия, освободил его от искусственных и потому губительных теорий, помог поверить в жизнь, в Бога, в свои силы. Платон открыл Пьеру истину: *«Жизнь есть все. Жизнь есть бог. Все перемещается и движется, и это движение есть бог»*. *«Каратаев» – вспомнилось Пьеру* [Толстой, 1974, т. 7, с. 165]. *«Вот он, Каратаев, вот разлился и исчез»*, слился с миром, природой, Богом, покорно, без сопротивления принимая то, что предназначено Богом и судьбой.

Главным своим заветом, предложенным русским людям, Лев Толстой считал нравственное самоусовершенствование. Он хотел, чтобы к людям вернулись простые и доступные всем понятия правды, совести и справедливости, общие и для христианства, и для даосизма.

В религиозно-философском учении Л.Н. Толстого центральное место занимают идеи любви и непротivления злу насилieм. Они рассматриваются великим мыслителем как главное проявление духовности в человеке. При этом духовность для него – это высшее начало, *«истинная основа жизни человека и всего мира»*. Полагая, что *«действительно существует только духовное»*, Толстой понимал развитие человека как духовное восхождение по пути жизни.

В своем эссе «Неделание» в 1893 году Толстой писал, что люди его времени живут *«бедственной жизнью языческой»*, в которой главное - стремление к материальным благам, *«суега жизни»*, *«которая более всего другого мешает людям понять смысл их существования»*. *И стоит им только остановиться в своей суете, как они «тотчас увидят бессмысленность своей деятельности, и христианское понимание само собой так же неизбежно, как неизбежно на морозе замерзает вода, как*

скоро перестать шевелить ее, сложится в их сознании.<...> Только бы люди одну сотую той энергии, которую они прилагают теперь к совершению различных материальных, ничем не оправданных и потому затемняющих их сознание дел, употребили на уяснение этого самого сознания и на исполнение того, чего оно требует от них, и гораздо скорее и проще, чем мы можем себе представить это, установилось бы то царство божие, которого он требует от людей, и люди нашли бы то благо, которое обещано им» [Толстой, 1954, с. 200-201]. Эти слова, очень актуальные и в наше время, написаны великим русским мыслителем, усвоившим мудрость предшествующих эпох.

Литература

Лао-Цзы. Завет пути силы. Современное прочтение «Дао Дэ Цзин» Лао-Цзы. Шанхай, 1954.

Рехо Ким. Диалог культур : Лев Толстой и Лао-цзы // Восток в русской литературе XVIII–начала XX века. Знакомства. Переводы. Восприятие. М., 2004.

Толстой Л.Н. Собрание сочинений: В 12-ти тт. М., 1974.

Толстой Л.Н. Полное собрание сочинений в 90 тт. М., 1954. Т. 29.